

Фольклорные традиции и их интерпретация в Плаче Ярославны

Светлой памяти моей сестры
Надежды Викторовны
Соколовой-Фаттаховой

В первом номере журнала «Русская литература» за 2017 г. опубликована статья доктора наук (*Dr. habil.*), доцента кафедры славистики и балканистики философского факультета Карлова университета (Прага) Игоря Васильевича Лемешкина «Княгиня Ярославна Мезенского уезда, или Почему жена Игоря плачет “на забрале”». ¹ Исследователь утверждает, что Плач Ярославны следует определять исключительно как «похоронно-поминальный плач», что он якобы «органично вписывается в устно-поэтический погребально-поминальный жанр» (с. 126). ² Соотнесение плача Ярославны с похоронно-

¹ Лемешкин И. Княгиня Ярославна Мезенского уезда, или Почему жена Игоря плачет «на забрале» // Русская литература. 2017. № 1. С. 107–126. Далее при цитировании этой статьи страницы указываются в тексте в скобках.

² Этнограф М. Д. Алексеевский отметил, что «разные виды похоронно-поминальных причитаний сильно отличаются друг от друга и по форме, и по функциям. Между тем, многие исследователи путают разные виды плачей, что приводит к серьезным ошибкам». Алексеевский различает два основных типа плачей: похоронные, исполняемые с момента смерти до полного завершения обряда погребения, и поминальные, звучащие на 9-й, 40-й дни, в годовщины со дня смерти, в годовые поминальные дни. Похоронные плачи, в свою очередь, имеют более сложное деление в соответствии с этапами обряда, за которыми они закреплены. См.: Алексеевский М. Д. Проблема классификации похоронно-поминальных причитаний // Проблемы классификации, типологии, систематизации в этнографической науке: Материалы Пярых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: РГПУ, 2006. С. 129–132. Учитывая это, И. Лемешкину следовало бы определиться хотя бы с основным делением на похоронные и поминальные плачи.

поминальным причитанием предопределяют, по словам И. Лемешкина, «некоторые текстологические параллели с живой устно-поэтической традицией XIX—XX веков» (с. 107). Автор статьи указывает на одно «общее место» в похоронно-поминальных причитаниях, соотносимое с первой строфой плача Ярославны:

«Как бы была я вольна пташеца,
Дак я б слетала бы через тридеветь озёрушков,
Да я достала бы, победнушка,
Да уж той воды живой
И оживила б тебя бедного».³

Этот мотив похоронных плачей неоднократно указывался в литературе по «Слову о полку Игореве». Аналогичный текст, записанный в Карелии,⁴ был приведен и в моей статье «Мотив живой и мертвой воды в “Слове о полку Игореве”».⁵ В карельском (т. е. записанном в Карелии) причитании дочь, тоскующая по умершему отцу, сожалеет, что у нее нет крыльев; если бы были у нее гусиные или лебединые крылья, она полетела бы «как за лесушки дремучие, за болота за топучие», туда, где «течет вода бессмертная», а прилетев обратно, «пала бы кубышком о сыру землю» (т. е. «обернулась» бы) и «смазала бы <...> его да тело мертвое».

Однако между Плачем Ярославны и приведенным фрагментом причитаний — большая разница. В фольклорном похоронном причитании, отражающем реальную действительность, разумеется, *отрицается возможность* полететь в образе птицы за живой водой и оживить ею умершего.⁶ В Плаче же Ярославны в первой строфе героиня *изображена* зег-

³ Это цитата из «причитания», записанного И. Лемешкиным в 2004 г. на восточном берегу Онежского озера в д. Пяльма от Марии Григорьевны Алешиной, 1923 г. р.

⁴ Русские плачи Карелии / Подгот. текстов и примеч. М. М. Михайлова; ст. Г. С. Виноградова, М. М. Михайлова; под ред. М. К. Азадовского. Петрозаводск: ГИЗ Карело-Финской ССР, 1940. С. 155.

⁵ Соколова Л. В. Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 38—47.

⁶ «Формула невозможного выражает идею невозможности противления смерти и возвращения умершего к жизни <...> и является важнейшей художественной особенностью причетов» (Югай Е. Ф. Ключевые образы плача (на материале похоронных и поминальных причитаний Вологодской области): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 19). «Основная идея причитаний похоронно-поминального цикла — стремление установить связь между миром живых и миром мертвых и констатация невозможнос-

зицей незнаемой, т. е. кукушкой,⁷ «кычущей» на Дунае. Сюда прилетела она за дунайской живой водой⁸ и отсюда намерена полететь по Дунаю к Каяле-реке, омочить в ней *бебрянь рукавъ*⁹ и исцелить раны князя Игоря мертвой (цемлющей) водой Каялы, чтобы потом оживить его живой водой Дуная. Всё это *есть* в «Слове»: и мотив оборотничества (полет в виде кукушки на Дунай, а с Дуная на Каялу), и мотив оживления Игоря с помощью живой и мертвой воды, так же как *есть* это в народных сказках и лирических песнях. Но, разумеется, и автор «Слова», и создатели народных лирических песен использовали эти образы в художественных целях. Должны ли они были при этом пояснять, что героиня на самом деле не превращалась в птицу и не летала за живой водой? В. И. Еремина, рассматривая поэтическую формулу превращения на примере русской народной лирики, показывает, как мифологическое сознание (полная вера в возможность превращения) трансформируется в метафорическое: превращение становится всего лишь художественным приемом — метафорой и сравнением.¹⁰

Считая достаточным основанием для отнесения плача Ярославны к жанру *похоронно-поминальных* плачей присутствие в нем мотива поле-

ти возвращения с того света» (Там же. С. 10). Л. Г. Невская указывала на однонаправленность пути и безвозвратность уходящего как на основные характеристики *дороги* в похоронных причитаниях; см.: *Невская Л. Г.* Балто-славянское причитание: Реконструкция семантической структуры. М.: Наука, 1993. С. 11.

⁷ «Кукушка — символ тоскующей женщины: и несчастной в браке, и одинокой солдатки, и женщины, оплакивающей смерть мужа, сына или брата» (*Соколова Л. В.* Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве». С. 40, примеч. 9). В Приложении к статье мы публикуем песню, записанную Е. Г. Водолазкинским в Новгород-Северском районе Украины во время студенческой фольклорной практики в 1982 г. В ней рассказывается о женщине, выданной замуж на чужбину, которая, затосковав по родным, прилетает зозулей-кукушкой к родному дому.

⁸ Почему именно с Дунаем связано представление о живой воде, см. в статье: *Соколова Л. В.* Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве».

⁹ По всей вероятности, словосочетание «бебрянь рукавъ» означает в «Слове» «шелковый платок». Обоснование этой гипотезы см. в статье: *Соколова Л. В.* Каким «рукавом» утирала Ярославна кровавые раны Игоря (К вопросу о поэтике «Слова о полку Игореве») // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 7–41.

¹⁰ *Еремина В. И.* Поэтический строй русской народной лирики. Л.: Наука, 1978. С. 27–33.

та героини в образе кукушки и оживления героя живой водой (в причитаниях — отрицаемая возможность), И. В. Лемешкин упускает из виду, что эти мотивы характерны не только для похоронно-поминальных причитаний; они широко представлены и в других фольклорных жанрах, в частности, в лирических и эпических песнях.

Что касается мотива полета героини в образе кукушки на место гибели близкого человека, то вспомним тот фольклорный сюжет, по которому женщина *кукушкой прилетает* куковать-плакать над телом убитого на поле боя мужа или брата. «Традиционным следует считать распространенный в балладах мотив трех кукушек у тела убитого, известный и южным, и восточным славянам».¹¹ Три «кукующие кукушицы» — мать, сестра и жена — составляют устойчивую женскую триаду горевания всего рода-племени.¹² В русской традиции известен сюжет долгих поисков сестрой или тремя сестрами брата, прилета их на поле битвы, чтобы похоронить брата и оплакать его; см., в частности, вариант балладного сюжета 'сестры ищут брата' — «Убитый брат».¹³ В украинской песне «Три кукушки» мать, сестра и жена убитого прилетают в образе кукушек оплакивать его.¹⁴ В южнославянской традиции мотив трех кукушек часто встречается в эпосе: назовем болгарские песни «Янко от Косова заграбва марковича жена», «Гюро Тъмничар», македонскую эпическую песню «Гуро», сербские эпические песни «Мать, сестра и любя», «Мара из Шуицы».¹⁵

Ритуальный плач служил не только законным средством выражения горя, печали и тоски. Он играл важную роль в обеспечении умершему

¹¹ См.: Никитина А. В. Кукушка в славянском фольклоре. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2002. С. 114–115. См. здесь же текст украинской баллады.

¹² Никитина А. В. Специфика образа кукушки в русских эпических песнях (в печати; статья сдана в один из сборников, выпускаемых Отделом фольклора ИРЛИ РАН). Приношу благодарность Алле Владимировне за предоставленную возможность ознакомиться с текстом ее статьи до публикации.

¹³ Никитина А. В. Специфика образа кукушки в русских эпических песнях.

¹⁴ М. А. Максимович указал, что на Украине кукушка «есть верный символ сиротства и родственной печали. И в украинских песнях, где так сильно развито сие чувство, всегда зозуля прилетает тужить над неоплаканым трупом: это живая печаль матери или сестры» (Максимович М. А. Песнь о полку Игореве // Максимович М. А. Собрание сочинений: В 3 т. Киев: Тип. арэнд. Е. Т. Керер, 1880. Т. 3. С. 549–550).

¹⁵ Никитина А. В. Кукушка в славянском фольклоре. С. 115.

должного места и статуса в мире «ином» (вот почему такой ужасной представлялась перспектива остаться неоплаканным).¹⁶ «Настоятельная необходимость найти погибшего, обмыть его раны, оплакать и достойно похоронить (обязательная отдача долга покойному, обеспечение родом-племенем его доли) находит выражение в <...> мотиве обретения крыльев и полета туда, где лежит погибший»: «<...> — “Как была <бы> я пташкой, я могла весь день лятать... / <...> Где ракитовы куста, где мой милый убит лежит, / Я бы косточки яво собрала, вы дубовый гроб яво склала, / К сырой земле яво придала, три словечка яму сказала: / Зарастай все, мая могилка, все травую еще муравой...” (воен.-быт. лир.)».¹⁷ Далее А. В. Никитина цитирует первую строфу Плача Ярославны в переводе И. Новикова¹⁸ и пишет при этом: «Допускаю, что приводить плач Ярославны в качестве примера работы образа кукушки в *героическом эпосе* не совсем корректно: “Слово о полку Игореве” — произведение литературное, былинной не признается (хотя попытки такой его интерпретации известны, а сомнения в правомерности перевода *зегзицы* как *кукушки* высказываются до сих пор), однако *приведенный фрагмент такое представление безусловно дает*»¹⁹ (курсив мой. — Л. С.).

Как видим, автор «Слова», создавая образ Ярославны, использует традиционный для славянского фольклора образ кукушки. В «Слове» он символизирует «вдову», прилетающую на место *символической* гибели супруга. Однако Ярославна-зегзица летит к любимому не для того, чтобы оплакать его на поле битвы, а чтобы с помощью живой и мертвой воды вернуть его к жизни.

¹⁶ Толстая С. М. Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 135–148; Никитина А. В. «Сестрица моя, покукуй по мне...» (кукушка-плачя у славян) // Язык — Гендер — Традиция: Материалы международной научной конференции, 25–27 апреля 2002 г. СПб.: Пропповский Центр СПбГУ, 2002. С. 99–110.

¹⁷ Никитина А. В. Специфика образа кукушки в русских эпических песнях.

¹⁸ «Не копя поют на Дунае, — / То слышен мне глас Ярославны; / Кукушкой неузнанной рано / Кукует она: / “Полечу я кукушкой, / Говорит, по Дунаю, / Омочу рукав я бобровый / Во Каяле-реке, / Оботру я князю / Раны кровавые / На застывающем / Теле его”». Перевод И. Новикова отражает представления о «Слове» того времени. Позднее было выяснено, что «рукав» не бобровый, а шелковый, а начальные слова перевода «Не копя поют» относятся к предыдущему предложению.

¹⁹ Никитина А. В. Специфика образа кукушки в русских эпических песнях.

А. В. Никитина отмечает, что «в славянском фольклоре с образом кукушки связывается не только роль плакальщицы или скорбящей матери, сестры или жены, но и роль “сестры милосердия”. Последняя особенно популярна в южнославянском фольклоре, где получило распространение предание о превращении в кукушку сестры раненого юнака».²⁰ Еще Вс. Миллер привел в качестве параллели к Плачу Ярославны болгарскую песню «Яна-кукавица», героиня которой отправляется в дальний путь за «студеной» водой на «белый Дунай» (т. е. за «живой водой»), чтобы исцелить лежащего в шатре больного брата. Набрав воды, она не может найти дороги обратно и просит Бога превратить ее в кукушку, чтобы, летая, она смогла найти и исцелить брата.²¹

Как и в других случаях, автор «Слова» трансформирует традиционные фольклорные образы, объединяя в первой строфе Плача Ярославны два разных фольклорных мотива: во-первых, полет женщины в образе кукушки на место гибели воина для его оплакивания, а во-вторых — оживление героя с помощью живой и мертвой воды.

Утверждению И. Лемешкина о *похоронно-поминальной* природе плача Ярославны противоречит и *завоенный плач*, в конце XIX века записанный Е. В. Барсовым от Афросиньи Ехаловой.²² В нем есть элементы, напоминающие плач Ярославны: обращение к мужу «лада милая», обращение солдатки к ветрам — скорым ходатаям, к *умолену красну солнышку* и ко *матушке быстрой реке* с просьбой передать мужу «поклоненьице», «челобитьице». На этом сходство заканчивается. Тем не менее, аутентичность плача Афросиньи Ехаловой «в публикации *заинтересованной стороны*» (то есть Барсова, отстаивавшего подлинность «Слова») вызывает у И. Лемешкина большие сомнения (курсив мой. — Л. С.). У него возникло «серьезное подозрение», что мы имеем дело с произведением,

²⁰ Никитина А. В. Кукушка в славянском фольклоре. С. 116.

²¹ Миллер Вс. Взгляд на «Слово о полку Игореве». М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1877. С. 112—116. См. также: Соколова Л. В. Мотив живой и мертвой воды в «Слове о полку Игореве». С. 40.

²² Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: В 3 ч. М.: Издано при содействии Общества любителей российской словесности, 1882. Ч. 2: Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. [Раздел] II: Плачи по рекруте женатом. 1: Афросиньи Ехаловой. С. 87—94. Выдержки из этого плача в качестве параллели к Плачу Ярославны приведены Е. В. Барсовым во Введении (с. LIII—LV). Упомянув этот рекрутский плач, И. Лемешкин пишет: «Говоря о фольклорной, *похоронно-поминальной* природе плача Ярославны, часто ссылаются на текст из собрания Е. В. Барсова. В *рекрутском плаге*, исполненном Афросиньей Ехаловой, засвидетельствованы...» (с. 109). Но кто говорит о *похоронно-поминальной* природе плача Ярославны, кроме самого Лемешкина?

которое испытало непосредственное влияние «Слова», что этот текст «несет следы явной импровизации и литературного творчества». И поэтому он дает исследователям совет: «Далеко не всё, что внешне напоминает Слово, можно и должно использовать при его изучении» (с. 109).

Этот недозволённый в науке прием устранения аргумента, противоречащего гипотезе самого автора, использован И. Лемешкиным и в статье, опубликованной в «Трудах Отдела древнерусской литературы», где он обвинил А. Д. Григорьева в неверном указании параллелей к слову *бебрянъ* в восточных версиях «Повести об Акире Премудром» по причине незнания им восточных языков.²³ Здесь же он, по сути дела, обвиняет в подлоге не Афросинью Ехалову, а записавшего от нее плач Е. В. Барсова, полагая, что обстановка, когда подлинность Слова «огульно оспаривалась», могла «вести к “благим намерениям”, к умышленному углублению доказательной базы», то есть к фальсификации. Исследователь пишет: «Увлеченный исследованием средневекового памятника Барсов, записывая причитания, мог *вполне невинно* поинтересоваться, не знает ли кто-нибудь плач, в котором вместо ветров, песков и матери сырой земли обращаются к ветрам, солнцу и, соответственно, к реке.²⁴ Если *долго задавать такой вопрос* (? — Л. С.), одаренный информант действительно может “вспомнить” искомый вариант» (с. 109) (курсив мой. — Л. С.).

Однако плачи, в которых женщины обращаются к ветрам и солнцу, записаны не только «фальсификатором» Е. В. Барсовым. Об обращении к солнцу и стихиям как отражении мифологического мировосприятия пишет, например, Г. В. Лобкова, которая привела примеры таких обращений в причитаниях, записанных во второй половине XX в. (в 1978—

²³ Лемешкин И. *Бебрянъ vs. *верченьь/*берчать рукав // ТОДРЛ. СПб.: Росток, 2017. Т. 65. С. 43—61. Возражения И. В. Лемешкину см.: Соколова Л. В. 1) Каким «рукавом» утирала Ярославна кровавые раны Игоря (к вопросу о поэтике «Слова о полку Игореве»); 2) «Верченьь/берчать» или все-таки «бебрянъ» рукав? (По поводу статьи И. В. Лемешкина) // X Чтения по истории и культуре Древней и Новой России: Материалы научной конференции (Ярославль, 19—20 октября 2018 года). Ярославль: [Б. и.], 2019. С. 158—175.

²⁴ Обращение к ветрам, пескам, сырой земле характерно для *поминального* плача на могиле, в котором используется мотив «выкликания из смерти»: «Вы завейтесь, ветры буйные, / Растащите пески желтые, / Растаскайте мати-сыру землю / Вы на все четыре стороны, / Вы раскройте гробову доску...». Ясно, что мотив «выкликания из смерти» не мог использоваться в плаче Афросиньи Ехаловой, обращающейся к стихийным силам с просьбой передать мужу-рекруту «поклоненьице». О мотиве «выкликания из смерти» в причитаниях см.: Алексеевский М. Д. Мотив оживления покойника в севернорусских поминальных причитаниях: текст и обрядовый контекст // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 227—262.

1998 г.) в Псковской области.²⁵ Г. В. Лобкова, как и Е. В. Барсов, сопоставляет эти обращения с обращениями Ярославны: «Отметим, что такой же характер обращения к стихиям и тот же ряд поэтических образов, в том числе образ души-птицы, запечатлен в Плаче Ярославны («Слово о полку Игореве»), что свидетельствует об исторической глубине и устойчивости традиции голошения, которая до настоящего времени сохраняется в Псковской области».²⁶ Исследовательница приводит образцы развернутых поэтических текстов полевых голошений, в которых «присутствуют обращения к стихиям как силам живым, уподобляемым человеку, способным “услышать”, “увидеть”, “передать наказ”, “согреть”, “развезть горе”».²⁷

Причитания в народной культуре не исчерпываются жанром похоронных и поминальных плачей. Сфера их бытования много шире. Существовали рекрутские, завоенные плачи, плачи в разлуке с близким человеком, свадебные плачи; существовала традиция голошения при проходах близких в дорогу, во время бедствий: «выли» на пожар, на голод и пр.

Плач, записанный Е. В. Барсовым от Афросиньи Ехаловой, выбивает краеугольный камень из построения чешского исследователя: он не относится к *похоронно-поминальным* плачам, — это причитание *в разлуке*

²⁵ Приведу два из них, обращенные к теплому солнышку и ветрам буйным:

1) «Вот, бувала, надайся у поли. Да дождь! Вот сижу и галашу, што:

Разагрей, тёплая солнышка любимая,
 Меня, горькую сиротушку,
 У чужих людюшкых!
 Разганити, ветры буйныи, тучи тёмныи!
 Няуж ты ни живала, тёплая солнушка, у чужих людюшкых? —

Вот и так пригылашивью, да сижу ды плачу...».

2) «Бывала, ў полях кагда, или пасу в очиредь, или работаю, всё равно, я бывала сичас же найду и галашення — *како́ горя, так и голóсцишь*. <...> Бывала — у-у-у — ветры — у-у-у! — бьютца, рвут! Я и загалашу:

И што вы бьетеся, буйныи витярочки?
 И вы бушуити, тёмныи лясочки,
 И вы валнуити сини морюшки,
 А што вы ни развеити пячальныи маи думушки?
 И вы ни рассеити пячаль маю дасадушку
 Па чистóму полюшку?»

(см.: Лобкова Г. Древности Псковской земли: Жатвенная обрядность. Обряды, ритуалы, художественная система. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 40—41).

²⁶ Там же. С. 41.

²⁷ Там же. С. 40—41.

с мужем. Не случайно Барсов опубликовал его не в разделе «Плачи похоронные, надгробные и надмогильные» (Ч. 1. М., 1872), а в разделе «Плачи завоенные, рекрутские, солдатские» (Ч. 2. М., 1882).²⁸ Г. В. Лобкова в книге о жатвенной обрядности в Псковской области приводит, в частности, записанное во второй половине XX в. *пригитание женщины, брошенной мужем*, которая обращается к *заходящему* солнцу с просьбой разыскать мужа («удалую головушку») и рассказать ему, как живет она, сиротинушка, с тремя детьми.²⁹ Подчеркнем, что это не похоронно-поминальное причитание, а голошение тоскующей, переживающей горе одинокой женщины.

Ярославна тоже не оплакивает умершего мужа. Вернув его к жизни на поле битвы с помощью живой и мертвой воды — воды Дуная и Каялы (первая строфа), — героиня в последующих трех строфах (эти три строфы и являются собственно плачем Ярославны) предстает уже причитающей на городской стене Путивля. Как подчеркивалось в моей статье «Мотив живой и мертвой воды...», в первой строфе речь идет о *символической* смерти Игоря³⁰ и *символическом* же оживлении его с помощью живой и мертвой воды.³¹ Во второй части фрагмента (строфы 2–4) героиня изображается уже в образе княгини на крепостной стене Путивля, «ра-

²⁸ Слово «рекрут» (*нем.* *rekruit*) существовало с 1701 по 1874 г. как обозначение лица, зачисленного в регулярную русскую армию по найму или рекрутской повинности, которой подвергались крестьяне, мещане и другие податные сословия, обязанные выставлять от общины определенное число военнообязанных. С упразднением рекрутчины в 1874 г. был введен новый термин — «новобранец». При этом в течение всей истории русской армии (начиная с XI в.) бытовал исконный термин для именованного служащего в ней человека — «воин, воиник», от него — и обозначение воинских песен (например, в «завоенных плачах» Русского Севера).

²⁹ Текст причитания см.: Лобкова Г. Древности Псковской земли... С. 40.

³⁰ «Дело в том, что хотя Игорь в действительности не погиб на поле битвы, но в *символическом* плане его пленение толкуется автором С<лова> как смерть, в связи с чем, по наблюдению Н. С. Демковой (*Демкова Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Чтения по древнерусской литературе. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1980. С. 102–103*), «возвращение Игоря из половецкого плена описано в *системе изображения волшебной сказки* как возвращение из царства мертвых»» (*Соколова Л. В. Плач Ярославны // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4. С. 110*).

³¹ «Ярославна *изображается* в первой строфе именно на Дунае, далеко от Путивля. Сюда, на Дунай, прилетает она зегзицей за живой водой, необходимой, согласно фольклорным представлениям, чтобы оживить героя после того, как мертвой, «целющей» водой, источником которой выступает в С<лове> Каяла, заживлены, стянуты раны» (Там же).

но», т. е. на рассвете, обращающейся к трем стихийным силам, представителям трех ярусов мироздания. И если ветер и солнце она только упрекает (просьба быть милостивыми к Игорю здесь лишь подразумевается), то, обращаясь к Днепру, она просит его «прилежаться» к ней ее милого ладу, помочь ему вернуться из плена на родину. Надо ли пояснять, что она просит «прилежаться» к ней того, кого считает живым? А раз так, то о каком *похоронно-поминальном* причитании Ярославны может идти речь? Подчеркну, что все *символические* действия Ярославны — *поэтический прием автора «Слова»*, который использует мотивы разных жанров устного народного творчества, трансформируя их при этом.

Параллелью к Плачу Ярославны служат и западноевропейские женские *плачи в разлуке с мужем*, указанные И. Н. Ждановым, Н. П. Дашкевичем и А. Н. Робинсоном. В «Песни о Роланде» мавританская королева Брамимонда (мнимая язычница) *восходит на башню* в Сарагосе, «рыдает, стонет», клянет «языческих богов», которые не защитили ее супруга от франков. Германская героиня Либгарда («Сказание о Вольфдитрихе») *стоит на стене замка*, ожидая своего мужа Ортнита и жалуясь на разлуку.³² А. Н. Робинсон пишет: «В древнерусской литературе эта раннеэпическая личная тема не вышла за пределы княжеско-дружинного эпоса. Но в западноевропейской поэзии она приобрела самостоятельное жанровое воплощение. Вслед за рыцарями, отправлявшимися в крестовые походы, неслись французские, провансальские, итальянские женские «*песни разлуки*»».³³

Итак, с жанровой точки зрения, плач Ярославны (2—4 строфы) — это женский «*плач в разлуке с мужем-воином*», который, как и фольклорные «плачи в разлуке», содержал моление, обращенное к силам природы.

³² Подчеркну, что княгиня Ярославна, как и знатные дамы в европейских песнях XI—XII вв., «плачет» на городской стене, а не в поле, как женщины в народных плачах.

³³ Робинсон А. Н. Литература Древней Руси до начала XIV в. // История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1984. Т. 2: [Литература III—XIII вв.], раздел VIII. С. 431. Плач Либгарды из «Сказания о Вольфдитрихе» как параллель к Плачу Ярославны ранее привел И. Н. Жданов; см.: Жданов И. Н. Литература «Слова о полку Игореве» // Жданов И. Н. Сочинения. СПб.: Отд.-ние рус. яз. и словесности Акад. наук, 1904. Т. 1. С. 444. Н. П. Дашкевич также писал, что «Слово» имеет прямые параллели с провансальскими песнями XI—XII в. о разлуке с милым, который отправляется в Святую землю, и итальянскими «жалобными» песнями XII в. См.: Дашкевич Н. П. Опыт указания литературных параллелей к Плачу Ярославны в «Слове о полку Игореве» // Jagić-Festschrift: Zbornik u slavu V. Jagica. Berlin: Weidmann, 1908. S. 415—422. Резюме доклада Н. П. Дашкевича на эту тему см.: Чтения Исторического о-ва Нестора летописца. Киев: Унив. тип., 1908. Кн. 20, вып. 2. Отд. 1. С. 50—52.

И. Лемешкин не только относит Плач Ярославны к похоронно-поминальным плачам, но и пытается доказать, что существовала традиция ежегодных *«похоронно-поминальных вешне-сретенских пригитаний»*, к которым он относит и Плач Ярославны, в связи с чем пытается пересмотреть дату бегства Игоря, а на этом основании — и дату создания *«Слова о полку Игореве»*. Исследователь крайне субъективно толкует записанный им в 2008 году рассказ восьмидесятиоднолетней Анны Ивановны Бурдуевой (1927–2013) в с. Юрома Лешуконского района Архангельской области, который и послужил, по его словам, импульсом к написанию рассматриваемой статьи. А. И. Бурдуева рассказала И. Лемешкину о том, что в прошлом, когда у нее умер сын (его убили в феврале 1996 г.), она *лет пять* ходила по весне, когда река освобождалась ото льда, на «угор» над рекой и там причитала (видимо, по причине возраста, причитания были отрывочными, — отмечает И. Лемешкин):

«Мне-ка ждать —
 Да мне-ка не дожидатся,
 Да мне-ка звать —
 Да не дозватися.
 Как моё-то да ты сердешнейё
 Ещё по началу-то ты веку долгого
 И кому-то ты надоел.
 Каку надо смёртоцку-то,
 Ведь перерубить надо... горло ведь.

По весницу да я по красную,
 Не дожидатся мне больше сердечного,
 Как сердечного только дитяtko.
 Я встречала вас да привечала,
 А теперь больше... ещё больше».

Женщина поясняет, почему она плакала у реки: «Я сижу на угорье — причитаю, причитаю. Вот когда река да только выйдет, дак. Вон река-то выйдет, дак он вот на каждые выходные приедет». То есть, тоскуя по сыну, мать выходила по весне к реке и там причитала, поскольку начиная с весны, когда река освобождалась ото льда, сын каждые выходные приезжал по реке навещать ее. Из этого И. Лемешкин делает неоправданный вывод о том, что *ее плач* — *«разновидность поминального плача, исполняемого не на могиле, а “заогно”, т. е. вдали от места погребения»*, предлагая *«назвать его вешне-сретенским, так как плач исполнялся по весне у реки»*. При этом он добавляет: «Весенний плач у реки возможно представить там, где река — единственный (или чуть ли не единствен-

ный) путь сообщения. Там, где <...> проложены тракты и дороги, возведены мосты, существует железнодорожное сообщение, исполнение такого рода плача логично теряло смысл» (с. 120).

Как видим, на основании частного случая причитания женщины по сыну в определенных обстоятельствах И. Лемешкин делает вывод о существовании особой (календарной) разновидности поминальных плачей — «*вешне-сретенских*». Но из рассказа плакальщицы не следует, что она плакала у реки только весной и не делала этого летом; не следует и того, что причитала она только у реки. Более того, И. Лемешкин утверждает, что у реки А. И. Бурдуева «причитала *рано утром*, после чего началась повседневная рутина» (с. 118). Здесь он контаминирует рассказ плакальщицы о ее голошении на реке и рассказ о ее причитании дома. А. И. Бурдуева сообщила, что плакала она лет пять на реке, *потом* плакала, не выходя из дома: «...я утром-то встану <...> ...да буду причитать, покуда мне не наплачуся, тогда буду... <...> печку затапливать» (с. 118–119).

Автор рассматриваемой статьи сопоставляет этот якобы выявленный им «*вешне-сретенский*» плач-причитание с плачем Ярославны: она тоже плакала у реки — Сейма, на правом берегу которого возвышался детинец Путивля, и тоже рано утром. Он полагает, что в Путивле (как в некоторых местах современного Русского Севера) не было дорог, и единственным средством сообщения была река, но при этом не учитывает, что в Ипатьевской летописи и в «Слове» говорится о том, что сбор войск четырех князей был назначен в Путивле («Стоять стязи въ Путивль»). Выходит, к Путивлю и из Путивля к месту битвы конные ратники плыли по реке?

Слово *забрало* в Плаче Ярославны, по предположению исследователя, указывает не на военно-оборонительное предназначение сооружения (?!), а на его местоположение, то есть на *непосредственную близость к реке* и значительную высоту: «Забрало здесь выступает вариантом мезенского речного “угорья”». ³⁴ По мнению И. Лемешкина, «Днестр — Десна — Сейм представляют реальный водный маршрут возвращения князя Игоря. Иными словами, княгиня и мезенская плакальщица плачут *с возвышения над рекой, по которой возможно/было возможно возвращение близкого человека домой*» (курсив мой. — Л. С.). Но Игорь возвращался не в Путивль по Сейму, а в Новгород-Северский по Донцу, который он и благодарит за помощь при его бегстве из плена на родину. ³⁵

³⁴ Автор статьи признает: то, что Ярославна плакала *над рекой*, «эксплицитно <...> не выражено» («в тексте прямо не сказано, на каком из забрал, т. е. с какой стороны детинца, плачет Ярославна — с обращенной к Сейму или на соседние холмы») (с. 121).

³⁵ С просьбой «прилепять» к ней мужа Ярославна обращается к Днепру — главной русской реке, реке-матушке, это обобщенный образ всего водного бассейна Руси, водного пути на Русь.

Далее И. Лемешкин задается вопросом: «*Когда же звучит голошение Ярославны и других несчастных воплениц <...> у которых мужья, сыновья и братья не вернулись с поля боя домой?*» (с. 123).³⁶ Исследователь полагает, что вешне-сретенские плачи могли начинаться после очищения русел рек ото льда (начала судоходства), в Путивле — в первой половине апреля, когда Сейм очищался, становился сплавным, и «продолжали исполняться вплоть до и в течение Семицко-Троицкого праздничного комплекса (на Семицу (так! — Л. С.) оплакивание, возможно, приобретало особую силу)» (с. 124). Это заставляет И. Лемешкина предполагать следующее: «По весне 1186 года, т. е. в период с начала апреля и приблизительно по Троицын день, Ярославна вместе с другими “сиротинами” оплакивает своего невернувшегося / невозвращающегося супруга *как умершего*. Соответственно, побег и возвращение Игоря должны были произойти уже после этого. Если изложенное выше понимание плача Ярославны в контексте вешне-сретенского голошения верно, то побег Игоря действительно можно соотнести с маем—июнем 1186 года (здесь И. Лемешкин ссылается на работу Н. В. Шарлеманя. — Л. С.),³⁷ что служит аргументом в пользу более поздней датировки данного события (и времени написания Слова)» (с. 125).

И. Лемешкин не замечает противоречия в своем рассуждении: если Ярославна причитает в 1186 г., то почему она оплакивает своего супруга как *умершего*? Из Ипатьевской летописи известно, что, попав в плен, Игорь вызвал из Руси священника с причтом, предполагая, что плен будет долгим. Следовательно, о том, что Игорь жив, Ярославне стало известно вскоре после его пленения. В Лаврентьевской летописи прямо сказано, что «*вскоре бежал Игорь от половцев — ибо Господь не оставит праведника в руках грешников*». Вряд ли стоит предпочитать в данном случае мнение натуралиста XX в. (Н. В. Шарлеманя) прямым свидетельствам летописцев, современников событий. Еще одно досадное недоразумение в рассуждениях И. Лемешкина: если Ярославна плачет весной 1186 года, через год после битвы Игоря с половцами, то какие раны она собирается утирать Игорю?

Представление об особой разновидности поминальных плачей — *вешне-сретенских голошений у реки*, начинавшихся с половодья и заканчивавшихся Троицко-Семицкой неделей, является ни на чем не основанной фантазией И. Лемешкина. Сезонная приуроченность голошений по

³⁶ По его словам, «река/вода/берег <...> для плакальщиц выступает привычным местом встреч, которое изменить нельзя, а одновременно и неким медиатором, средством передачи вербального плача и жали» (с. 121).

³⁷ Шарлемань Н. В. Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 8. С. 53—59.

умершим действительно существовала, но не та, которую предполагает И. Лемешкин.

Необрядовые весенне-летние причитания («голошения») по умершим или находящимся вдалеке близким родственникам *были связаны со временем кукования кукушки*.³⁸ На Псковщине, в районе русско-белорусского пограничья, известен обряд «плача с кукушкой». Женщины, потерявшие своих близких или находящиеся в долгой разлуке с ними, ждали летом прилета кукушки — посланницы с того света, уходили в поле или в лес и, услышав голос кукушки, выплакивали ей свое горе и скорбь, передавали свои чувства и послания на тот свет. Голошения могли звучать во время полевых работ (поэтому получили название «полевых голошений»): пахоты, боронования, жатвы, уборки льна, по дороге с поля домой (в том числе и с сенокоса), а также во время пастьбы, заготовки лыка, березовых веников и др., — тогда и там, где кукует кукушка (появление и кукование кукушки *вблизи жилья* часто считалось предвестием смерти или несчастья).³⁹

По народным представлениям, прилетает кукушка из мира, в который уходят мертвые. В виде кукушки представляли душу умершего, как бы слетающую на землю побеседовать с родными. К кукушке обращаются как к родному человеку, жалуются, просят «развести горюшко». Связь кукушки с миром предков и представление о ее пребывании в плаче (кукушка «плакующая птичка», «жалобная птица») и предопределило связь

³⁸ Считается, что кукушка прилетает с появлением зелени, к Егорьеву дню (6 мая), и кукует до завершения колошения зерновых, до Петрова дня (12 июля), а когда ячмень/рожь выколосится, кукушка «задавится ячменем» и перестает куковать, «исчезает». Именно этот период (от Егорьева до Петрова дня) отмечен в народных представлениях как время кукования кукушки; с ним связаны летние женские голошения, особенно интенсивные во время колошения зерновых (ржи и ячменя), т. е. с Федосьи Колосятницы (11 июня) до Петрова дня (12 июля). См.: *Гура А. В. Кукушка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3. С. 36.* Орнитологи считают, что кукушка прилетает в конце апреля — начале мая.

³⁹ Там же. С. 38. О полевых голошениях см.: *Разумовская Е. Н. Плач с кукушкой: Традиционное необрядовое голошение русско-белорусского пограничья (по материалам экспедиций 1971–1981 гг.) // Славянский и балканский фольклор: Этногенетическая общность и типологические параллели. М.: Наука, 1984. С. 160–178; Лобкова Г. 1) Древности Псковской земли...; 2) Причитания на кукушку в традициях Псковской области [Электронный ресурс]: <https://www.culture.ru/objects/363/prichitaniya-na-kukushku-v-tradiciyakh-pskovskoi-oblasti>; *Никитина А. В. 1) Кукушка в славянском фольклоре; 2) «Сестрица моя, покукуй по мне...» (кукушка-плач у славян); Толстая С. М. Слезы // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. 2-е изд., испр. и доп. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 436.**

времени кукования кукушки с периодом летних голошений женщин в лесу и в поле: «кукушка кукѹе, так янá — по своём гóрю, так и люди — по своём гóрю голóсья».⁴⁰ В основе полевых голошений лежат обращения к силам и явлениям природы (ветру, солнцу, реке), к кукушке, к душам умерших («родителям»), к матери, к *находящемуся на гужбине сыну или мужу*.⁴¹

Итак, предложенная И. Лемешкиным гипотеза о *похоронно-поминальном* характере плача Ярославны не может быть принята. Не имеет под собой оснований и его попытка интерпретировать записанный рассказ Бурдуевой как обнаруженную им традицию особого вида плачей — ежегодных поминальных «*вешне-сретенских*» *голошений у реки*, начинавшихся якобы с половодья и заканчивавшихся Троицко-Семицкими днями. Календарная приуроченность плачей существовала, но она была связана с периодом кукования кукушки — птицы-плакальщицы. Нельзя согласиться и с тем, что художественная функция Плача Ярославны сводится к поминальному оплакиванию князя Игоря весной 1186 года.

* * *

Вернемся к Плачу Ярославны и заново рассмотрим критикуемую И. Лемешкиным точку зрения на его жанровую природу и художественную функцию в «Слове о полку Игореве».

Со времен Ф. И. Буслаева исследователи видят несомненную причинно-следственную связь между плачем Ярославны и благополучным бегством Игоря из плена.⁴² И. Лемешкин отрицает эту причинно-следствен-

⁴⁰ Лобкова Г. Древности Псковской земли... С. 38.

⁴¹ Г. В. Лобкова приводит тексты, представляющие собой классические образцы голошений «на кукушку», записанные в Псковской области в 1978—1998 гг. (Там же. С. 32—39). Вот одно из них:

«Распустилися белаи берёзачки,
Прилятела серая кукушечка,
И не ты ли прилятела, моя сударяня мамачка,
Расскажу я тебе пра своё великая,
Про своё великая горяшка,
И на ково ш ты меня спокинула, моя сударыня мамушка,
И чево же ты рана сложила свои белыи ручиньки,
И паслуший, мая милая мамушка,
Я рыскажу тебе пра сваё великая горяшка...».

⁴² Ф. И. Буслаев писал: «Эта песня, кроме своего чисто поэтического содержания, имеет *характер заклинания*, которым Ярославна *привораживает милость* Ветра, Днепра и Солнца своему мужу» (Буслаев Ф. И. Историче-

ную связь, которую он характеризует как «магическое значение» плача Ярославны. Он пишет: «Но тогда ведь получаем настоящую апологию язычества. Вместо плодов покаяния, смирения и христианской добродетели в подобии канонической молитвы — “бесовское” заклинание» (с. 114). Если бы это было так, то средневековые книжники, по мнению И. Лемешкина, занесли бы «Слово» в индексы отреченных и запрещенных книг: «Такая судьба постигла бы памятник при малейшем намеке на нечистую магию и ее благодатное воздействие»; «однако, — продолжает исследователь, — компетентный читатель Средневековья, воспринимая плач Ярославны адекватным образом (то есть всецело в ключе похоронно-поминальной обрядности), никакого греха здесь не видел» (с. 114). И. Лемешкин, вероятно, забыл, что автор «Слова» еще и упоминает имена языческих богов — Велеса, Дажьбога, Стрибога, Хорса — и мифических существ вроде Дива, Девы-Обиды, Жли и Карны. Сомнения И. Лемешкина в том, что фрагмент «Плач Ярославны» связан с фрагментом «Бегство Игоря из плена», безосновательны и вызваны его стремлением доказать похоронно-поминальную природу плача Ярославны.

Непосредственная связь плача Ярославны с бегством Игоря из плена ясна из сопоставления «Слова» с Ипатьевской летописью. Ранее уже обосновывалось знакомство автора «Слова о полку Игореве» с летописными повествованиями о походе Игоря на половцев: с рассказом Владимирского свода, дошедшим в Лаврентьевской летописи, и с повестью Киевского свода, дошедшей в Ипатьевской летописи.⁴³ В повести о походе

ская хрестоматия церковнославянского и древнерусского языка. М.: Univ. тип., 1861. С. 613, примеч. 591). Ср. у Е. В. Барсова: «Не сила и оружие, но лишь *плаг или, тогнее, молитва Ярославны, устрояет спасение Игоря* и радование Русской земли» (Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси: В 3 ч. М.: Univ. тип., 1887. Т. 2. С. 64). Р. О. Якобсон отметил: «*Магической мощью наделен зов зегзицы к трем стихиям; поэтому воды, ветры и солнце сопутствуют спасительному бегству Игоря*» (Якобсон Р. Композиция и космология плача Ярославны // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1969. Т. 24. С. 33). Н. С. Демкова подчеркнула, что «...плач выступает как толчок для дальнейшего движения сюжета: сразу же после плача Ярославны в “Слове” следует описание бегства Игоря. Лирическая мотивировка введения в текст эпизода бегства Игоря несомненна: *бегство происходит не только после плага, но и как бы вследствие плага, в ответ на заклинания Ярославны*» (Демкова Н. С. Средневековая русская литература: Поэтика, интерпретации, источники: Сб. статей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 56–57).

⁴³ См.: Соколова Л. В. 1) Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе: [К 80-летию академика Дмитрия Сергеевича Лихачева] / Отв. ред. Л. А. Дмитриев. Л.: Наука, 1987. С. 210–215; 2) Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г.

Игоря, включенной в киевский летописный свод конца XII в., говорится, что вскоре после пленения Игорь вызвал к себе из Руси священника с причтом: «не вѣдѣшь бо Божия промысла, но творяшеться тамо и долго быти. Но избави и Господь *за молитву хрестьянску*, имъ же мнозѣ печаловахуться и *проливахуть же слезы своя за него*». ⁴⁴ Киевский автор повести о походе Игоря прямо говорит о том, что Господь избавил Игоря от (из) плена *по слезным молитвам его соотечественников-христиан*. Автор же «Слова о полку Игореве» индивидуализировал эти молитвы и плачи, создав Плач Ярославны.

Исходя из того, что бегство Игоря совершается не просто после, а *в результате* плача Ярославны, исследователи пытались понять, в чем заключается суть плача, его действенная сила, сопоставляя его с заклинанием, заговором или молитвой, а также используя такие определения как моление, заклинательная молитва, заклинательное причитание, заклинательные зовы Ярославны. ⁴⁵

Термины «заговор» и «заклинание» (окультурные словесные формулы, за которыми признается магическая сила воздействия на людей и природу) исследователи «Слова о полку Игореве» нередко используют как синонимы, между тем они имеют несомненное различие. Все теоретические определения заговора и заклинания основаны на поздних записях (не ранее XVI в.), в которых нередко трудно отделить древнейший текст от позднейших наслоений, в том числе в христианскую эпоху. Поэтому в самой общей форме, основываясь на исследованиях фольклористов, охарактеризуем отличительные особенности двух названных жанров.

Заклинание есть императив: *повеление, требование*, обращенное к невидимым духам (а также к живым существам или даже предметам) и имеющее принудительный характер. ⁴⁶ Заклинание, как правило, содержит

в летописях и в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57 / Отв. ред. О. В. Творогов. С. 91–102. А. А. Зимин писал о зависимости «Слова о полку Игореве» непосредственно от Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, доказывая на этом основании позднее происхождение памятника. См.: Зимин А. А. Слово о полку Игореве. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006 (глава III: Русские летописи и Слово о полку Игореве. С. 181–224).

⁴⁴ Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Э. Праца, 1843. Т. 2: Ипатьевская летопись. С. 133.

⁴⁵ См. об этом: Соколова Л. В. Плач Ярославны. С. 113–114.

⁴⁶ С. М. Толстая понимает заклинание более широко, как «вид ритуально-магической речи; прямое обращение к объекту магического воздействия *в императивной форме* — требования, приказа, побуждения, *просьбы, мольбы*, предупреждения, запрещения, угрозы». См.: Толстая С. М. Закли-

угрозу наказания в случае неисполнения приказа. Оно может быть самостоятельным вербальным ритуалом, приговором при обрядовом или практическом действии, а также составной частью более сложных вербальных форм, в том числе заговоров.⁴⁷ *Заговор* представляет собой сложную структуру.⁴⁸ В наиболее полной форме он включает э к с п о з и ц и ю (нарративную часть), содержащую *формулу пути* заговаривающего в природную среду («чисто поле») или к сакральному центру мира, где находится «персонаж» («помощник»), призванный осуществить желаемое; описание действия в центре магического мира; ц е н т р а л ь н у ю ч а с т ь (содержательное ядро заговора, *выражение желания*); и к о н ц о в к у («*закрепку*» — магическую формулу, призванную придать словам заговора силу и действенность). В заговорах нередко присутствуют, кроме того, приметы христианской эпохи: церковно-молитвенное вступление⁴⁹ и молитвенное завершение, часто сводящееся к слову «*Аминь*» («зааминивание»). Содержательное ядро заговора может выражаться по-разному. Это может быть *формула уподобления*, основанная на принципе подобия: «*как... так и...*»; это может быть *заклинание* (приказ), принуждающее «персонаж» к выполнению воли субъекта и содержащее угрозу;⁵⁰

вание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 258. Однако *просьба* и *мольба* не предполагают обязательного исполнения, в то время как *императивная форма* требует безусловного подчинения, исполнения (см.: Императивный // Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. язык, 1981. Т. 1. С. 662). С. М. Толстая отличает заклинание «от текстов, призывающих благо или кару через обращение к Богу, святым, высшим или демоническим силам»; по ее мнению, «заклинания рассчитаны на непосредственный контакт с источником благ, охраняемым или опасным объектом», каким может выступать зима, пшеница, ячмень и т. д. (Толстая С. М. Заклинание. С. 258).

⁴⁷ Толстая С. М. Заклинание. С. 258.

⁴⁸ Разные исследователи по-разному определяют структуру заговора. См., например: Толстая С. М. Заговор // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2. С. 243–244; Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М.: МОНФ, 1997. См. во Вступлении раздел «Структурные элементы заговорного текста» [Электронный ресурс: http://svitk.ru/004_book_book/1b/229_yudin-onomastikon_russkih_zagovorov.php].

⁴⁹ Например: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешнаго! Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.* См.: Великорусские заклинания: Сборник Л. Н. Майкова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Европ. Дома, 1994. С. 34.

⁵⁰ В русском заговоре от укуса змеи после эпической части следует следующая формула, представляющая собой заклинание: «*Ой ты, скрипя-*

это может быть и *просьба* — народная (апокрифическая) молитва к Богу, Богородице, святым или анимистическая молитва, обращенная к стихиям: солнцу, месяцу, звездам, заре, ветрам, огню, грому, дождю, воде. Наконец, в некоторых заговорах могут присутствовать две или все три эти формы. А. И. Алмазов, говоря об отличиях заговора от апокрифической молитвы и заклинания, пишет: «Прежде всего — ни обращение к положительному началу (Богу), как это есть в молитве, ни обращение к началу отрицательному (демону), как это есть в заклинании, — не составляют существенного признака заговора. <...> Не отрицаем, — иногда (и нельзя сказать, чтобы в редких случаях) оно включает в себе и обращение — или в том же смысле, как это мы видим в молитве, или же по преимуществу по тому же адресу, как это принято в заклинании. Но тому и другому здесь не придается существенного значения самим по себе. <...> если в молитве или заклинании действенность их ставится в зависимость собственно от обращения по тому или другому адресу, то в заговоре она предполагается *в нем самом*, иначе говоря, — в том *слововыражении*, в котором изложен заговор». Исследователь подчеркивает, что заговор возникает не на почве религии, а на почве воззрений человечества на действенность своего слова, на могущественную силу своей речи.⁵¹

Рассмотрим, имеет ли текст Плача Ярославны характерные черты заклинания или заговора.

О том, что «песнь» Ярославны имеет «характер заклинания», писал еще Ф. И. Буслаев.⁵² Термин ‘заклинание’ использовал и французский исследователь А. Рамбо, по мнению которого, «монолог Ярославны <...> скорее не жалоба, а *заклинание*, и самый прекрасный памятник такого жанра во всём европейском язычестве».⁵³ Р. О. Якобсон характеризовал плач Ярославны как «*заклинательное* причитание», «*заклинательные* зовы», а в первой строфе фрагмента, которую исследователь считал вступ-

зья, / Уйми своих детищев, / Пестрых, перепелесых, / Полевых, луговых, / Дворовых, водяных, боровых! / Ой ты скрипя-зья, / Уйми своих детищев всех, / А то буду Михайле Архангелу просить: / Бог громом убьет, / Огнем сожжет!» См.: Великорусские заклинания: Сборник Л. Н. Майкова. Дополнение. С. 166–167.

⁵¹ См.: Алмазов А. И. Апокрифические молитвы, заклинания и заговоры (К истории византийской отреченной письменности). Одесса: «Экономическая» тип., 1901. С. 19–20, 21.

⁵² См. примеч. 42 настоящей статьи.

⁵³ *Rimbaud A. La Russie épique. Paris: Maison neuve, 1876. P. 207, 220.* Цит. по: Кузьмина В. Д. «Слово о полку Игореве» как памятник мировой литературы // «Слово о полку Игореве»: Сб. статей. М.: Изд. Гос. Лит. музея, 1947. С. 21.

лением к собственно плачу, он видел тройной *заговорный загин* (полечу — омоchu — утру).⁵⁴ Н. С. Демкова, как уже отмечалось, подчеркнула, что бегство Игоря происходит «в ответ на *заклинания Ярославны*».⁵⁵

Плач Ярославны нельзя соотносить с заклинанием, поскольку в нем нет приказа и угрозы наказания при неисполнении этого приказа.⁵⁶ Мне представляется, что Ф. И. Буслаев, А. Рамбо, Р. О. Якобсон, Н. С. Демкова и др. использовали термин *заклинание* и определение «*заклинательный*» («заклинательные зовы», «заклинательное причитание», «заклинательная молитва») скорее не как термин, обозначающий вид ритуально-магической речи, содержащей приказ, а в значении текст («плач», «причитание», «песнь»), содержащий «страстную просьбу, мольбу»,⁵⁷ противопоставляя такой текст простой *жалобе*.

Е. В. Барсов охарактеризовал Плач Ярославны, используя одновременно разные термины: «Плач ее обращен к стихийным силам с мольбой о спасении Игоря, и потому он есть именно *заговор, заклинательная молитва*, которая, чтобы иметь свое действие, должна быть читаема рано, на утренней заре, как объясняется то и в заговорах нашего времени».⁵⁸ Указанные Е. В. Барсовым такие особенности плача Ярославны, как обращение к стихийным силам природы с укором и (или) просьбой, а также неоднократное указание на то, что плач произносится «рано», т. е. на рассвете, характерны не только для заговоров, но и для плачей в разлуке.⁵⁹ Что касается того, что в первой строфе Плача Ярославны в будущем

⁵⁴ Якобсон Р. Композиция и космология плача Ярославны // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1969. Т. 24. С. 32–34.

⁵⁵ См. примеч. 42 настоящей статьи.

⁵⁶ Виноградова Л. Н. Формулы угроз и проклятий в славянских заговорах // Заговорный текст: Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 425–440.

⁵⁷ См.: Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. язык, 1981. Т. 1. С. 527. Ср.: «Меня с слезами заклинаний / Молила мать» (Пушкин А. С. Евгений Онегин); «Она отвергла заклинанья, / Мольбы, тоску души моей» (Пушкин А. С. Разговор книгопродавца с поэтом); «[Литвинов] собирается возвратиться на родину, куда с отчаянными заклинаниями и мольбами в каждом письме звал его отец» (Тургенев И. С. Дым).

⁵⁸ Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 2. С. 65.

⁵⁹ Заговор мог исполняться не только рано утром, но и поздно вечером (см.: Елеонская Е. К изучению заговора и колдовства в России. [Шамордино]: Тип. Шамординской Пустыни, 1917. Вып. 1. С. 27), собственно, так же, как и фольклорные плачи. В плаче Афросиньи Ехаловой, записанном

времени говорится о том, что будет делать героиня (полечу, омочу, утру),⁶⁰ то автор «Слова» использовал здесь не «формулу пути» к сакральному центру мира, где находится «помощник», призванный осуществить желаемое,⁶¹ а фольклорный мотив полета героини в образе птицы на место гибели близкого человека.

В. П. Адрианова-Перетц, говоря о «заклинательных обращениях», «заклинательных формулах» в плаче Ярославны, привела параллели обращений к стихиям и небесным светилам из *заговоров*: «Подите вы, семь ветров буйных, понесите к красной девице тоску тоскучую», «Навейте, нанесите вы, ветры, печаль», «Гой еси, солнце жаркое, не пали и не пожинай ты хлеб мой, а жги и пали полынь-траву», обращение к месяцу: «Місяцю Владимиру, ти високо літаєш, ти все бачиш, ти все чуєш» и др.⁶² Но обращения к природным силам содержат не только заговоры, но и собственно плачи, как ясно из приведенных выше материалов.

С *заговором* отождествлял Плач Ярославны и Б. В. Сапунов, одновременно называя его и *языгеским заклинанием*. Он ошибочно писал о четырехчастной форме заговора в «Слове», имея при этом в виду (опять-таки ошибочно) четыре части в каждом из обращений Ярославны: к Ветру,

Е. В. Барсовым, говорится: «Такъ ты послушай, лада милая, / *Поутру да поранѣхоньку.* / *И ввечеру да попозд(н)ѣхоньку.* / Не кукуеть ли кукушка горегорькая: / Она кукуе жалобнѣхонько, / Такъ ты подумай, лада милая: / Не кукушечка кукуеть горегорькая: / Горюеть то твоя да молодá жена; / Подаеть тебѣ да свой възшонѣ голось...» (*Барсов Е. В.* Причитания Северного края. Ч. 2: Плачи завоенные, рекрутские, солдатские. М.: Тип. «Современные известия», 1872. С. 89). Кукушка кукует и днем, и ночью, но охотней всего — в ранние утренние часы. Таким образом, указание на то, что Ярославна плачет «рано», вполне укладывается в жанровую особенность плача, который, т а к ж е к а к з а г о в о р, мог исполняться в ранние утренние часы.

⁶⁰ «Начало этого кукования еще более *сближает его с заговором*, в котором прежде всего заявляется о том, что будет делать лицо, его говорящее. “Стану я, раба Божия, ранешенько, умоюсь белешенько, пойду перекреститься по утренней росе” и т. п. Точно так и Ярославна, прежде чем обращаться к стихийным силам, также заявляет, что она поспешит на помощь князю...» (курсив мой. — Л. С.) (*Барсов Е. В.* Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 2. С. 65).

⁶¹ См. об этом: *Агапкина Т. А.* Сюжетный состав восточнославянских заговоров (мотив мифологического центра) // Заговорный текст: Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. 247–291.

⁶² См.: *Адрианова-Перетц В. П.* «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия // Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 305, примеч. 1.

Днепру, Солнцу.⁶³ Б. В. Сапунов, видимо, не ставил своей задачей решение вопроса о жанре Плача Ярославны, цель его статьи сводилась к утверждению языческих верований автора «Слова». Отреагировав на статью Б. В. Сапунова, Р. О. Якобсон представил прекрасный детальный разбор композиции Плача Ярославны.⁶⁴

Одна из последних работ на эту тему — статья В. В. Леоновой «Плач Ярославны: христианская молитва или языческое заклинание? (К профессиональной проблеме “Слова о полку Игореве”)».⁶⁵ Автор статьи приходит к выводу, что плач Ярославны целиком и полностью соответствует концепции языческого мировосприятия и тяготеет к форме заклинания или языческой молитвы, а потому не может отождествляться с молитвой христианской.

И. Лемешкин, возражая против отождествления Плача Ярославны с заговором, отметил при этом, что «единственный намек на заговор прослеживается только во втором звене, в обращении к Днепру: “(как) Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави насады до плѣку Кобякова. (так) Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ”» (с. 112). Исследователю остался неизвестным текст заговора из лечебника 1660 г., опубликованного в 2002 г. Между тем текст этого заговора не только связан с обращением к реке-воде и имеет формулу подобия, но и содержит лексическую параллель к тексту «Слова»: «...Ты еси вода, ты еси чистота. *Тегеши* из моря в море *сквозе землю* Русскую и *Половецкую* <...>, измывая всякую скверну и нечистоту. *Тако* измый и мою собаку имярек от лихова человека и от его слов и портежу. Поди, урок и портежь, на лихова человека, кто соба-

⁶³ «...по своему характеру “плач” Ярославны в основной своей части (три абзаца из четырех) является типичным языческим заговором. Структура “плача” повторяет обычную четырехчастную форму заговора, сохранившуюся до XX в., — обращение к высшим силам, прославление их могущества, конкретная просьба и заключение» (Сапунов Б. В. Ярославна и древнерусское язычество // Слово о полку Игореве — памятник XII века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 321; курсив мой). Ярославна «просит помощи и защиты у ветров — Стрибожьих внуков, у могучей реки — Днепра Славутича, и, наконец, у главного божества восточных славян — светлого и трижды светлого Солнца. Такое языческое заклинание, обращенное к ветрам, реке Днепру и Солнцу, не может рассматриваться как простой художественный прием, как использование старой формы, уже потерявшей содержание <...> в XII в. обращение к языческим богам не могло быть простым художественным приемом, а отражало реальные верования людей своей эпохи» (Там же. С. 323; курсив мой).

⁶⁴ Якобсон Р. Композиция и космология плача Ярославны.

⁶⁵ Религиоведение. 2014. Т. 4. С. 126—134.

ки портит, а ты, имярек собака, востани».⁶⁶ Сравним в «Слове»: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменные горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави носады до плъку Кобякова. Взлелѣи, господине, мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано».⁶⁷ Случайное ли это совпадение? И если здесь усматривать связь двух текстов, то какой из них первичен? Не мог ли автор «Слова» сознательно использовать «формулу подобия» и лексический оборот из древнего заговора, который сохранялся на протяжении веков в устном бытовании и был опубликован в лечебнике 1660 года? Нельзя ли видеть здесь «легчайшую аллюзию на чужое высказывание» (М. М. Бахтин)? Правда, у нас нет оснований считать, что формула подобия использовалась исключительно в жанре заговора.

Итак, отмеченные исследователями особенности Плача Ярославны не дают основания отождествлять его с заговором. И прежде всего потому, что в нем нет сложной композиции заговора, в частности, нет «закрепки» как неперменной составной части заговора, основанного на вере в магическую силу слова.⁶⁸

В статье «Плач Ярославны», возражая против уподобления этого текста заговору и заклинанию, я высказала мнение, что плач Ярославны с *содержательной точки зрения* можно соотнести скорее с молитвой: героиня обращается к Ветру, Днепру и Солнцу не с приказом (т. е. заклинанием), а с просьбой; она обращается к ним как могущественным силам космоса и природы (в языческом прошлом — «предметам» поклонения) «уважительно»: *Вѣтрѣ Вѣтрило, Днепре Словутицю, Свѣтлое и Тресвѣтлое Слънце*, называет каждого адресата «господине».⁶⁹ В этой же

⁶⁶ См.: Отреченное чтение в России XVII—XVIII веков / Отв. редакторы А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М.: Индрик, 2002. С. 375. Интересно, что здесь *формула подобия*, характерная для заговора, сочетается с *формулой приказа*, адресованного уроку (сглазу) и портежу (порче), что характерно для заклинания.

⁶⁷ Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1967. С. 54–55. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.)

⁶⁸ Например: «Будь ты, мой приворот, крепче камня, крепче железа, отныне и до века»; или: «пусть будут мои слова крепки и лепки»; или: «словам моим ключ и замок».

⁶⁹ Соколова Л. В. Плач Ярославны. С. 109–116. С молитвой ранее соотносил Плач Ярославны Е. В. Барсов. В частности, он пишет: «Не сила и оружие, но лишь *плаг или, точнее, молитва* (sic!) Ярославны, устрояет спасение Игоря и радование Русской земли» (Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 2. С. 64); «Автор как бы чует ее скорбный голос и слышит ее *пламенные молитвы*» (Там же); «Третья часть, излагающая спасение Игоря *как следствие молитвы*

статье было отмечено, что, поскольку Ярославна обращается с просьбой *к природным силам*, молитву можно назвать языческой, точнее было бы сказать — анимистической. Анимизм, — вера в одушевленность всей природы (одухотворение сил и явлений природы), — это проявление мифологического мировосприятия, в том числе и в христианскую эпоху. Однако *фольклорный* плач, содержащий просьбу-моление к силам природы, не перестает быть по форме плачем. Поэтому и Плач Ярославны точнее определять как *плач, содержащий моление* к силам природы, как *плач-моление* по своей сути — в отличие от плача-жалобы, плача-оплакивания (похоронного или поминального плача). Указание же на то, что плач-моление Ярославны произносится «рано», на рассвете, укладывается в представление, что голошение могло звучать как рано утром, так и поздно вечером.⁷⁰

Памятник XII в. «Слово о Лазаревом воскресении» включает обширный плач Адама, удачно названный М. В. Рождественской «плачем-молитвой», в котором «своеобразно переплелись элементы мольбы, упрека, оплакивания и славословия».⁷¹ Исследовательница при этом заметила: «Кажется, мы не найдем в древнерусской литературе другого произведения, где бы так своеобразно переплелись элементы мольбы, упрека, оплакивания и славословия».⁷² Но в Плаче Ярославны тоже содержатся и упреки (ветру и солнцу), и оплакивание погибших русских воинов,

Ярославны, также уясняется не раз повторенными припевками: «Ярославна рано плачет, / В Путивле, на стене городской, / Приговаривая». Повторением этой припевки автор дает заметить значение ее *молитвы*» (Там же. С. 80—81). Но в то же время Барсов говорил о Плаче Ярославны и как о заговоре: «Плач ее обращен к стихийным силам с мольбой о спасении Игоря, и потому он есть именно *заговор, заклинательная молитва*» (Там же. С. 65).

⁷⁰ См. примеч. 59 настоящей статьи.

⁷¹ *Рождественская М. В.* О жанре «Слова о Лазаревом воскресении» // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1972. Т. 27. С. 115. М. В. Рождественская отмечает: «Исполненный трагизма, напоминающий лирический плач монолог Адама мог восприниматься читателями на фоне широкого развития этой темы в византийской и русской литературе (широко известен плач Адама при изгнании из рая, он читается в рукописях, начиная с XII в.)» (Там же. С. 115—116). По словам В. П. Адриановой-Перетц, «Плач-молитва Адама из «Слова [о Лазаревом воскресении]» <...> имеет свою традицию в древнерусской литературе — традицию лиро-эпических плачей, основывавшихся, с одной стороны, на устной причети, а с другой — на традиции библейско-византийской книжности» (*Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 135—180).

⁷² *Рождественская М. В.* О жанре «Слова о Лазаревом воскресении». С. 115.

и славословие (по адресу солнца, ветра и Днепра), но главное содержательное ядро Плача — это *просьба-моление к Днепру* «прилежать» князя Игоря из плена. Вероятно, по отношению к Плачу Ярославны правильнее использовать термин «моление», а не «молитва», чтобы не порождать ассоциаций с христианской молитвой.

Итак, с жанровой точки зрения плач Ярославны (2—4 строфы) — это женский «плач в разлуке» с мужем-воином, который содержал, как и фольклорные «плачи в разлуке», моление, обращенное к силам природы. Но, в отличие от фольклорных плачей, где обращение к природным силам носит, как правило, риторический характер⁷³ (в них не сообщается, была ли исполнена просьба плакальщицы), — моление Ярославны, согласно воле автора «Слова», было услышано и возымело действие.

«Функция плача в составе литературного произведения, — пишет В. П. Адрианова-Перетц, — зависит от целеустремленности всего памятника в целом, следовательно, связана и с литературным направлением, к которому он относится. Поэтому и темы древнерусских плачей в литературе так же разнообразны, как богато содержание устных причетей».⁷⁴ Тема Плача Ярославны и его функция в «Слове о полку Игореве» тоже обусловлена идеей всего памятника в целом.

Разумеется, обращение Ярославны к силам природы, как и имена языческих богов, служащих в «Слове» символами определенных понятий и представлений, не свидетельствует о двоеверии автора. Мольба Ярославны была услышана (чтобы нагляднее представить ее спасительное действие, автор нарисовал картину явлений природы, благоприятствовавших побегу Игоря), но помогают Игорю бежать не только природные силы, а в первую очередь христианский Бог, повелевающий силами природы: смерчами он Игорю «путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую». Но почему при этом в поэме, созданной по образцам княжеской дружинной поэзии, должны быть, как в церковно-хрис-

⁷³ Однако некоторые носители традиции, как отмечает Г. В. Лобкова, верят в то, что природные силы откликнутся на их просьбы. В частности, плакальщица, обращаясь к кукушке с просьбой рассказать о ее жизни умершей матери, верит в исполнение кукушкой ее просьбы: «Што раз я прашу, примерна, дак штобы она передала, дак мне кажетца, што она передаст...». Доказательство этого плакальщица видит и в поведении кукушки, и в своих сновидениях. «Конечно, — пишет Г. Лобкова, — в этих поверьях присутствует и некоторая доля сомнения: “Всё гаварили, што кукушка кукует — так всё покойник прилетает. Ты знаешь, это всё — пужки. А правда эта? Или — неправда ж наверна...”» (Лобкова Г. В. Древности Псковской земли... С. 34—35).

⁷⁴ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля древней Руси. С. 178.

тианском произведении, «плоды покаяния, смирения и христианской добродетели в подобии канонической молитвы», которые ожидает видеть в «Слове» И. Лемешкин?

Как и в других случаях, автор «Слова», используя фольклорные образы, символы и мотивы в Плаче Ярославны, переиначивает их, придает им яркую индивидуальность. В. П. Адрианова-Перетц отмечала, что Плач Ярославны — «пример творческого использования художественных средств народной поэзии в литературе».⁷⁵ Литературный, авторский памятник «Слово о полку Игореве» глубоко связан с поэтикой устного народного творчества, питавшего дружинную поэзию Киевской Руси, на которую ориентируется автор «Слова». Былины, причитания, лирические песни позволяют лучше понять содержащиеся в «Слове» поэтические образы, метафоры, символы, а также отдельные слова и выражения.

Подведем итог.

Фрагмент, именуемый исследователями «Плач Ярославны», состоит из двух частей. Первая часть (первая строфа) использует балладный мотив прилета женщины в образе кукушки на место гибели мужа, сына или брата и мотив народных сказок и песен об оживлении умершего с помощью живой и мертвой воды. Этот мотив присутствует и в похоронных плачах, в которых в *сослагательном наклонении* говорится о желании исполнительницы плача полететь птицей за живой водой и оживить ею умершего близкого человека (при условии, если бы у героини были крылья).

Во второй части (три последующих строфы) княгиня Ярославна изображена причитающей («голосящей») ранним утром на городской стене Путивля: она обращается к силам природы с просьбой помочь (или, по крайней мере, не мешать) «воскрешенному» ею Игорю вернуться на родину. Собственно, эта вторая часть и есть *плач* Ярославны. Она построена по образцу «женских плачей в разлуке», причем как фольклорных, так и литературных; это плач-моление: подобно народным «*плагам в разлуке*», плач Ярославны содержит анимистическую молитву, обращенную к силам природы, на которую, по замыслу автора «Слова», откликнулась не только природа, но и Бог, который смерчами Игорю «*путь кажет*» из земли Половецкой в землю Русскую.

Художественная задача Плача Ярославны — не оплакать князя Игоря год спустя после его пленения поминальным плачем, как думает И. Лемешкин, а «оправдать» его бегство из плена, совершающееся (как и в летописной повести о походе Игоря на половцев) якобы по воле Бога в ответ на моление Ярославны.

⁷⁵ См.: Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. С. 305.

* * *

В Приложеніи публікується пісня, записана Е. Г. Водолазким в Новгород-Северському районі України во время студентської фольклорної практики в 1982 г.

Приложение

Чом ти не прийшов,
Як місяць зійшов?
Я тебе чекала.
Чи коня не мав,
Чи стежки не знав,
Мати не пускала?

І коня я мав,
І стежку я знав,
І мати пускала.
Найменша сестра,
Бодай не зросла,
Сідельце сховала.

А старша сестра
Сідельце знайшла,
Коня осідлала:
Поїдь, братику,
До дівчиноньки,
Що тебе чекала.

Тече річенька
Невеличенька,
Схочу — перескочу.
Віддайте мене,
Моя матінко,
За кого я хочу.

Ой, оддавала —
Наказувала
Сім год не бувати.
А як прийдеш ти,
Моя донечко,
То вижену з хати.

Прожила я рік,
Прожила другий —
Третій не стерпіла:
Обернулася
Зозулицею,
В гості полетіла.

Прилечу — сяду
В батьковім саду,
В саду на калині.
Та й буду кувать,
Жалю придават
Всій моїй родині.

Тоді каже брат:
Дозволь, матінко,
Ту зозулю вбити,
Бо вона кує,
Жалю придає —
Я не можу жити.

Не бий, синочку,
Тої зозулі,
Що в нас на калині.
Бо тій зозульці,
Як моїй доці,
На чужій чужині.